

Семантика страшного в произведениях Н. А. Некрасова и Ф. Сологуба: пересечение авторских традиций

*Дубровских Анна Владимировна
Воронежский государственный университет
аспирант*

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты литературной преемственности творчества Ф. Сологуба по отношению к Н. А. Некрасову, выраженной в воплощении ключевой для символиста универсалии страшного. Материалом исследования стали поэтические произведения авторов, а также проза Ф. Сологуба.

Ключевые слова: литературная универсалия, страх, Ф. Сологуб, Н. А. Некрасов

Semantics of 'fear' universal in N. A. Nekrasov and F. Sologub's works: the crossing of creative traditions

*Dubrovskikh Anna Vladimirovna
Voronezh State University
postgraduate*

Abstract

The article is focused on the aspects of the literary continuity of F. Sologub's works in relation to N. A. Nekrasov which is expressed in the realization of fear universal. The research is based on the poetry of both authors and on F. Sologub's prose.

Keywords: literary universal, fear, F. Sologub, N. A. Nekrasov

М. И. Дикман, тщательно изучившая в архивах наследие Федора Сологуба, обнаружила свидетельства тому, что «любимым его поэтом был Некрасов: он знал его почти всего наизусть и ставил гораздо выше Лермонтова и Пушкина» [1, с. 28]. Главный результат этого литературного увлечения, по мнению исследователя, проявился в рано сформировавшихся и всю жизнь неизменных демократических симпатиях поэта. Той же точки зрения придерживается и М. М. Павлова [2, с. 15-46]. В настоящей статье мы хотим сосредоточиться на другой стороне литературной преемственности Сологуба по отношению к Н. А. Некрасову, которая выражается в воплощении ключевой для символиста универсалии страшного [3].

Связь Сологуба с Некрасовым в этом отношении выражена достаточно отчетлива. Так же, как у Сологуба, лирического субъекта Некрасова «тревоги» и страхи сопровождают на протяжении его земной жизни («да,

наша жизнь текла мятежно, / Полна тревог, полна утрат» [4, с. 44]; «тревоги жизни», «ужасна судьбина коварная» [4, с. 56], «тревожно прожитый» век [4, с. 348]); в жестоком мире даже «страшно мыслить» [4, с. 118], потому что мысль рождает сомнение, а «с ним <сомнением. – А. Д.> страшно жить» [4, с. 118]. Неизбежные тяготы дольного для лирического субъекта Некрасова отступают лишь после смерти («Нет ни горести, ни страха / На блистательном челе. / То душа со смертью праха, / Отчужденная земле» [4, с. 188], – «Встреча душ»).

Особенно интересны у Некрасова примеры, когда страх выступает как инстинкт самосохранения. Так, в сонете «Вчера, сегодня» лирический субъект «жизни вчера не жалел, как сна», «страх потерял все права над душою, / Меня не пугала вселенной гроза». Однако после получения взаимности «царицы сердца» он начинает оберегать свою жизнь. Другой пример: «На край обрыва я ступил – / Вдруг волны грозно потемнели, / И страх меня остановил!» – однако после разлуки с любимой «Опять с убитою душою / Брожу у этих берегов. / <...> Но волны не грозят сурово, / А манят в глубину свою» [4, с. 78]. В «Выборе» девушку, решившую утопиться, водяной уговаривает войти в воду, его голос словно сливается с голосом ее подсознания. Страх, таким образом, связывает с жизнью, противопоставляет ее смерти; бояться – значит бежать гибели, ценя жизнь. В последних двух примерах прослеживается любопытная связь между страхом и водой: так же, как у Сологуба, вода манит (сама по себе или с помощью водяного), затягивает в небытие.

У Сологуба страх как инстинкт самосохранения существует в особом изводе. В упомянутом уже рассказе «Земле земное» герой ничего не боится, так как есть «в его душевной глубине то истинно земное, что роднило его с прахом, и от чего страх не имел над ним власти» [5, с. 487]. В «Мелком бесе» писатель назовет это «истинно земное» «первобытным смешением, дряхлым хаосом». В таком контексте страх как эмоция удерживает человека по эту сторону бытия, то есть становится своеобразным вариантом самосохранения.

Как представляется, на фоне рассказа Сологуба «Земле земное» существует возможность особого прочтения одного эпизода из части II поэмы Некрасова «На Волге». Этот эпизод представляет собой повествование о детстве героя, когда он «рос, как многие, в глуши» [4, с. 141] и няня страшила его «чертями на пруду». Повествование это содержит ряд параллельных сюжету рассказа Сологуба элементов, что и будет показано ниже.

Валежников «страха смолоду не знал» – Саша Кораблев «не помнил в своей жизни страха». Герой поэмы хочет встретить «черта на пруду» – Саша отправляется на кладбище, чтобы встретить мертвецов («И хотя Саша уверен был в том, что нет в душе его страха, он все же решил испытать себя» [5, с. 471]). В саду Валежников видит: «Ночная тишина / Какой-то зоркостью полна, / Как будто с умыслом притих / Весь божий мир – и наблюдал, / Что дерзкий мальчик затевал!» [4, с. 141]; свидетелем похожей «всезрящей тишины» становится герой Сологуба по пути на кладбище: «...все было

обращено к Саше, все представало перед ним, но не давало знать о том, что есть за этою видимостью. Деревья стояли неподвижные... В их видимой упругости сказывалась неведомая жизнь, непреклонная воля. Но не понять было, чего же они хотят и как живут» [5, с. 470-471]. У Некрасова: «Но если б друг какой иль враг / Засел в кусту и закричал, / Иль даже, спугнутая мной, / Взвилась сова над головой, – / Наверно б мертвый я упал!» [4, с. 141-142] – у Сологуба: «...почувствовал Саша, что эта немая, загадочная природа была бы для него страшнее замогильных призраков, если бы в нем был страх» [5, с. 472]. Реалистическая модель повествования предполагает, таким образом, наличие конкретного импульса, который «переключит» страх в панику. Символистская логика не предполагает такой прямой взаимосвязи: Сологубу важнее рассмотреть, как «небоящийся» герой встроен в мир, изначально страшный своей чуждостью, непонятностью и почти враждебностью человеку.

Симптоматично, каким образом происходит снятие страшного. Валежников «...любопытствуя, давил / ...страхи ложные в себе / И в бесполезной той борьбе / Немало силы погубил» [4, с. 142]. (Впрочем, и этот момент предполагает вариантность в прочтении: «бесполезная» борьба – «без пользы» или «без результата»?) А объяснить «бесстрашие» Саши в рассказе Сологуба попытался С. Н. Бройтман: «Дети, по Сологубу, отличаются от взрослых божественно-игровой близостью к «всебытию» и тем, что они — почти чистое становление-меон. <...> С той же легкостью, с какой дети незамутненно созерцают жизнь, они уходят в инобытие, в созерцание ее изнанки — теней, ибо обе эти стихии им одинаково близки» [6]. Эта точка зрения, при ее несомненной объяснительной силе, нуждается в дополнении: сологубовские дети – не только воплощение «незамутненного» сознания и восприятия, но еще и жертвы, в мире взрослых и в мире природы они беззащитны и беспомощны. «Детская» тема Сологуба разрешается всегда одинаково – гибелью юных героев.

В анализируемом рассказе страх выступает в качестве того «земного», что удерживает Сашу Кораблева героя по эту сторону бытия. Симптоматично здесь и название, аналогии с которым в виде практически дословного фразового совпадения обнаруживаются у Некрасова. В его балладе «Водяной» есть строки: «Земное к земному влечет юный дух» [4, с. 215] (подразумевается чувство, желание девушки, похищенной водяным, общаться с соприродным ей человеческим существом); без этого «земного» героиня «бесстрашна, мертва, холодна» [4, с. 215]. Характерно, что именно в царстве водяного похищенная девушка становится бессмертной – и при этом «мертвой». Появление юноши и зарождение любви к нему заставляет героиню ощутить в себе «земное», то есть конечное, не-вечное, смертное (это перекликается и с драматизмом любовной лирики Некрасова). В стихотворении «Смерти» лирический субъект, «приглашая» к себе смерть, разделяет свое бытие на земное («часы волнений, / Сердечных бурь и мятежей») и неземное («часы забвенья / И о страстях и о земле», минуты вдохновения, мыслей о боге, молитв). И если в «земной» суете «Мне будет

жалко мир покинуть, / И робко небо встречу я...», то в момент «близости небу» «Душа, покинув жизни бремя, / Без страха в небо перейдет...» [4, с. 46-47]. В процитированных примерах для нас важно то, что Некрасову свойственно было ощущение «земного» и «не-земного» со стороны причастности / непричастности смерти, бытия и не-бытия – и инобытия. Есть чувства, которые буквально привязывают к жизни, не дают соскользнуть в инобытие, и страх – одно из них. Такое прочтение в высшей степени свойственно Сологубу. И весьма вероятно (хотя конкретных документальных подтверждений тому не сохранилось), что совпадения не случайны, и Сологуб, фабульным и языковым материалом любимого поэта, вложил в него новое, символистское содержание с «мэонами» и «соответствиями».

Библиографический список

1. Дикман М. И. Поэтическое творчество Федора Сологуба // Сологуб Ф. Стихотворения. СПб.: Наука, 2000. С. 5–74.
2. Павлова М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.
3. Гостева А. «Клаустрофобный» комплекс в творчестве Федора Сологуба // *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich. Zmysły*. Wrocław, 2013. С. 149-160.
4. Некрасов Н. А. Поэзия. М.: Слово, 2004. 808 с.
5. Сологуб Ф. Собрание сочинений: В 6 тт. Т.1.
6. Бройтман С. Н. Федор Сологуб // *Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)*. М.: Наследие, 2000. С. 882-932.